

Беркович М.Б.

Письма с Онеги*

Я работаю в детском доме для «особенных детей». Дом находится в маленьком городе N, это примерно три часа езды от Санкт-Петербурга. Здесь все ребята – особенные, но наши подопечные из первого корпуса – самые особенные. По-научному они называются «дети с множественными нарушениями в развитии». Наши ребята, за редким исключением, не умеют ходить и говорить. Есть ложкой. Одеваться. Кто-то не видит. У многих – эпилептический синдром. И почти ни к кому не приезжают родители, потому что большинство детей – отказные. Когда они вырастают, их переводят в психоневрологический интернат – ПНИ, и там они живут всю оставшуюся жизнь. Всё это очень тяжело. Меня часто спрашивают: «Как ты можешь работать в таком месте? Там же у кого угодно пропадёт способность радоваться! Здесь, где каждый день сталкиваешься с болью и безысходностью, собственной беспомощностью, с вопросами «зачем всё это?», «за что им всё это?», «что я смогу им дать?» и «не лучше ли совсем ничего не давать, если я не в состоянии дать этим детям единственное, в чём они действительно нуждаются, – любовь и заботу на всю жизнь?», так вот, именно

здесь я научилась радоваться так, как не умела никогда.

Мои дети научили меня этому.

Они – самые сильные люди из всех, кого я знаю. Они принимают жизнь такой, какой она к ним приходит, и научаются находить в ней радость. Я очень долго и мучительно искала слова, чтобы объяснить эту мысль, пока не прочитала у Брэдбери:

«Да, это странный мир, он огромен и полон неожиданностей, в нём, если хотите, много нелепого, но при всём при этом он прекрасен, и я рада в него войти и теперь не променяю его ни на какой другой. Я не хочу снова уснуть и вернуться туда, откуда пришла».

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ДРУГОМУ

Посвящается Марианне Майер

– Как вы можете работать, не получая никакой отдачи?

Конечно, если пытаться строить общение на нашем, привычном уровне (например, произносить слова и ждать

* Перепечатано из журнала «Сеанс» №№ 39–40 за 2009 г. с согласия автора.

немедленной, понятной нам реакции), никакой отдачи не будет.

Представьте себе: вы пытались что-то по-русски объяснить иностранцу, он вас не понял, а вы на основании этого делаете вывод, что иностранец вообще, в принципе не умеет общаться.

Диалог возникает тогда, когда ты отвлекаешься от того, что является диалогом для тебя, и сосредотачиваешься на том, что есть диалог для твоего подопечного. Как говорит немецкий эрготерапевт Марианна Майер, «мы входим туда, где находятся дети... Дыхание — это общение. Ритм сердца — тоже общение».

Часть 1: ЕСТЬ ТЫ, ЕСТЬ Я

Мир явился мне не сразу, а кусочками. Сначала я видела только то, что привычно, хорошо знакомо и окружает со всех сторон. Потом поняла, что мир внутри меня можно расширить до бесконечности. Потом заметила природу и обнаружила, что есть другие города и страны. И медленно-медленно открывается мне самое главное и непостижимое чудо: ты.

Мы с Аней лежим в гамаке. Он медленно раскачивается.

Аня не видит и почти не может двигаться — работают только руки. Она уже взрослая и, к сожалению, понятно, что с движением лучше не станет. И сама сидеть Аня никогда не сможет. И ложку в руках держать не научится. Я могу брать её на занятия всего один раз в неделю, остальное время она проводит в своей кровати. Я долго думала — какую цель поставить в работе с Аней? Чему я могу её научить за этот час? И вот, постепенно мы с Аней придумали и создали урок. Я называю его «есть ты, есть я».

Чтобы понять, что такое «ты», нужно сначала найти «я». Почувствовать себя и выделить из окружающего мира. Поэтому нужно дать Ане время осознать, где она находится.

Мы лежим в гамаке и дышим вместе. Я пытаюсь поймать ритм её дыхания и присоединиться к нему. Бесконечно глубокое ощущение. Всё пропадает. Остаётся только человек рядом. И уже не очень понятно — ты подстраиваешься под его ритм, или он — под твой. Всё происходит будто само собой. Диалог, который происходит, гораздо глубже, чем речь. Речь может создавать иллюзию понимания. Дыхание — нет. На этом уровне невозможно создать иллюзию.

Что чувствует Аня? Важно ли для неё, что она не одна?

Я беру Анины руки и провожу по стенкам гамака, чтобы обозначить границы нашего общего мира.

— Вот ты. Аня.

— А это я.

— Это твои руки.

— А это мои.

Аня поднимает руку и два раза легко стучает меня по голове. Я делаю то же самое. Аня смеётся и хватается мою руку. Трогает пальцы. Наверное, для неё удивительно, что у меня тоже есть пальцы. Что я — тоже есть.

Если нам удастся войти в мир другого, мы увидим, что здесь иные мерки, иные масштабы, и будем вынуждены их принять. Мы увидим, как преобразуются здесь сигналы из нашего мира. Как звучит наш голос. Как ощущается наше прикосновение. Мы увидим, что сидеть рядом и покачиваться — это диалог. Передавать друг другу пелёнку — диалог. Ребёнок может и вовсе ничего не делать, диалог есть тогда, когда вы посылаете сигнал, получаете ответ и можете его понять. Постарайтесь почувствовать, что такое ответ для вашего подопечного. Улыбка? Протянутая рука? Чуть заметное движение глаз? Изменение ритма дыхания?

Мы сидим на диване. Он сидит сам, не опираясь на меня, и это для него большое достижение. Я не вижу его лица — только краешек щеки. Я знаю, сейчас его лицо спокойно, бесстрастно, но через мгновение — почти невозможно поймать это из-

Беркович М. Б.
Письма с Онеги

менение — этот краешек щеки дрогнет, на нём появится ямочка, крошечные морщинки, мелькнёт ещё не улыбка, а тень улыбки, её предчувствие. И вдруг, будто волна пройдёт, — раздастся знакомое «пфф-ффф», рука потянется ко лбу, голова завертится из стороны в сторону — он смеётся.

Часть 2: СМЫСЛ

«Думаю, до некоторой степени все дети окружены магией: будто какие-то волшебные линзы, они умеют собирать и фокусировать свет посреди самой кромешной тьмы».

Финн

«Здравствуйте, мистер Бог,
это Анна»

— Вот вы ищете к этим детям подход, пытаетесь установить контакт, вызвать на общение, а вы не думаете, что таким детям хорошо в своём мире? Может быть, не стоит их оттуда «вытаскивать»?

Нам очень часто задают этот вопрос.

На эту тему много чего написано, и я, конечно, повторюсь, но всё-таки отвечу:

Работая с аутичными детьми, я не видела ни одного ребёнка, даже среди самых «глубоких» аутистов, который не хотел бы общаться. Дело не в отказе от общения, а в неумении строить общение по нашим правилам. Не новая мысль.

Сначала мы входим в мир ребёнка, потом пытаемся перекинуть оттуда мост в наш мир.

И довольно часто это удаётся.

Но есть дети, которые никогда не смогут играть по нашим правилам, общаться в привычной для нас форме и жить в нашем мире.

— И в этом случае нет смысла с ними заниматься, правильно? Нужно оставить их в покое?

В этом случае мы вынуждены принять их мир и их форму диалога, если хоть сколько-нибудь в диалоге заинтересованы.

Да, есть дети, которых нельзя вывести из их замкнутого мира. Есть дети, которым может быть хорошо и комфортно только там.

Но не в одиночестве.

Особый человек

Таня держит на руках Соню — крошечную девочку с огромной головой и всегда полуприкрытыми глазами. Соня не двигается, не видит, не улыбается. Я называю её Мадонной — за тонкие черты лица, высокий лоб — она похожа на средневековую икону.

— Скажи, тебе не трудно видеть в таких, самых слабеньких детях, личности со своими мыслями, желаниями?

— Не трудно.

— Но ведь даже в обычном человеке иногда очень сложно увидеть личность, правда?

— Почему «даже»? Именно в обычном как раз и сложно. Он — обычный. А это (нежно смотрит на Соню) — особый человек.

Пелёнка

«Мы входим туда, где находятся дети».

Марианна Майер

Даня, которого интересуется только одно занятие: жевать пелёнку. Больше ни на что он не реагирует. Марианна говорит: «он не здесь, его с нами нет. Он должен понять, что игра с другим человеком интереснее, чем игра с самим собой. То, что он сейчас делает, — это для него очень, очень важно, это его жизнь».

Многие вещи, которые происходят впервые, даже с нашими собственными маленькими детьми (у меня детей пока ещё нет, но я спрашивала знающих людей!), всё равно кажутся самоочевидными, и мы не обращаем на них внимания.

А здесь мы входим в мир, годами лишённый стимулов, новых ощущений, новых звуков, запахов, движений, впечатлений — речь идёт о людях, которые всю жизнь проводят в одной комнате, в кровати. Кормление (там же, в кровати) — переодевание. Стены. Потолок. Пелёнка.

Одеяло. Подушка.

Мы входим в этот белый, тихий, неподвижный мир. Видим, что его уже обжили. Ведь жить в совсем пустом мире невозможно. Он наполнен качаниями, перебиранием пальцами перед глазами, жеванием пелёнки, громкими и тихими «а-а-а», «пффф» и «д-да-д-да».

С нашей точки зрения всё это яйца выеденного не стоит. Вредные привычки, от которых ребёнка необходимо избавить.

А ведь «то, что он сейчас делает, для него очень, очень важно, это его жизнь». И тем более важно, что он выбрал и создал это сам. И вот мы стоим, растерянно прижимая к груди бесчисленные сокровища нашего мира, и не знаем, с чего начать.

Представьте, как это:

Дотронуться до своего лица.
Повернуться на другой бок.
Опустить руку в воду.
Потрогать шерстяной носок.
Пососать палец.
Поесть, сидя, в первый раз.
Самому подержать ложку.
Обниматься.
Произнести звук — и получить ответ.
Выйти на улицу.
Что-то кинуть и увидеть, как упало.
Слепить снежок —
в первый раз.

Нам дали возможность давать. Редкую возможность. Отдавать себя, своё, значит, заново себя прожить и почувствовать. Всё, начиная с мелочей (как это — засунуть палец в рот?) — вот тогда-то и понимаешь, что мелочей нет.

Нам не терпится снова пройти забытую (даже не осознанную тогда, в раннем детстве) дорогу. В первый раз погладить шершавый ствол сосны, услышать запах

смолы, впервые почувствовать на ногах ботинки, ощутить в кулаке прохладную тяжёлую ложку.

Вот здесь-то и ждёт нас самое тяжёлое испытание:

Отложим в сторону свои сокровища.

Они не важнее, не лучше его пелёнки.

Из пустоты и тишины он вытянул эту пелёнку и обнаружил, что если её жевать, мир ощущений становится чуть менее однообразным. Это его собственное драгоценное открытие, сравнимое — если искать аналог в нашем мире — с открытием колеса, огня и теории относительности — и даже важнее, потому что без колеса, огня и Эйнштейна люди как-то жили, а он без пелёнки, без смыслов жить не может.

А мы хотим просто взять и забрать её, пусть даже предложив взамен все сокровища мира. Сокровища? Для него они ещё ничего не значат.

Марианна:

«нужно положить одеяло чуть-чуть выше, чтобы немного расширить обзор. Пелёнку можно повесить на спинку кровати, чтобы Даня поворачивал голову и искал её. Можно сшить для него две разноцветные пелёнки-тряпочки: чтобы учился различать цвета, или две тряпочки из разной материи — для новых осязательных ощущений, и так далее, главное, сделать из пелёнки мост в наш мир. Может быть, прежде чем он обратит внимание на что-то ещё, уйдёт полгода, может быть — год, может быть — ещё больше. Очень важно, чтобы нас самих действительно, взаправду заинтересовала его игра. Только тогда он войдёт в контакт с нами. Тогда он снова начнёт верить в жизнь. Тогда он сможет открыть мир других людей и предметов».

Гитара

«Каждая вещь — это целая система»

Фридл Дикер-Брандейс

Аня не видит, но очень любит звуки. Беру гитару. Провожу рукой по струнам.

Беркович М. Б.
Письма с Онеги

ОСОБЫЕ ДЕТИ – ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД НА МИР

Аня улыбается. Прислоняю гитару к её груди, чтобы Аня почувствовала вибрацию. Нравится.

Я ничего не говорю. Беру Анины руки и показываю:

- Гитара вот такой длины.
- Вот такой ширины. Левая рука – здесь. А правая – здесь.
- Рука спускается по струнам. Встречается с другой рукой.
- С этой стороны гитара гладкая.
- А с этой – струны. Послушай, как звучат.
- Почувствуй, как отдаётся звук с гладкой стороны.
- Смотри, как гитарные бока плавно изгибаются.
- Постучим по очереди. Я. Теперь ты.
- А теперь проведи рукой по струнам. Сама.

Фридл Дикер-Брандейс – художница. Она работала с детьми в гетто Терезин, занималась с ними рисованием и арт-терапией. Главной целью этих занятий было спасти психику детей, отвлечь их от окружающей страшной действительности. В 1944 году Фридл погибла в Освенциме вместе со своими учениками. От «уроков Фридл» осталось больше тысячи детских рисунков, некоторые из них известны всему миру.

Фридл говорила, что не бывает бедных, неинтересных, скучных вещей. Каждая вещь – это мир. Из всего можно сделать всё. Научись только видеть и чувствовать.

А мы с Аней открыли мир гитары.

Часть 3: ДИАЛОГИ

*«Сегодня важный день.
Второй раз видела улыбку Лены...»*

Из рабочего дневника

«Вот тогда это и произошло. Он слегка мотнул головой, и я слабо почувствовал, что он чем-то недоволен.

– Тебе не понравилась еда?

Он продолжал мотать головой.

– Ты хочешь ещё поесть?

Тот же ответ.

<+> Я задавал эти вопросы не потому, что ждал какого-то ответа. Я и не думал, что он может ответить.

– Хочешь ещё попить?

Искорка в глазах. Беззвучная гримаса.

<+> Он выпил семь кружек, и вопрос в том, видел ли я когда-нибудь чувство, так сильно и недвусмысленно отразившееся на его лице. Радость.

Я был рад, чувствовал, что гожусь для этой работы. Что я понял его, а он так потрясающе сильно отреагировал на моё понимание.

А потом я задумался. Потому что знал, что видел это выражение неудовлетворенности раньше. Много раз. И что никогда не обращал на него внимания настоящего».

Ханс Халлерфорс

Лена

Лена сидит в коляске. Лицо бесстрастное и сосредоточенное. Наблюдает. Я подхожу к ней. Специальным, плавным, «Лениным» движением она берёт мою руку и направляет куда-то себе за спину.

– Лена, что? Поправить тебе свитер?

Поправляю.

– Так – хорошо?

Лена берёт мою руку и направляет куда-то себе за спину.

– Ты хочешь в туалет?

Поднимаю Лену, убираю сидение (у Лены универсальный стул-туалет), сажаю.

– Да?

Лена берёт мою руку и направляет куда-то себе за спину.

– Я не понимаю! Может, тебе дать книжку? Или куклу?

Нет.

И вдруг я поняла. Вчера мы с Леной ходили заниматься в игровую, и теперь

она направляет мою руку к ручкам коляски, чтобы я её снова туда отвезла.

– Ты хочешь в игровую?

Лена повторяет свой медленный, точный, требовательный жест.

«и вопрос в том, видел ли я когда-нибудь чувство, так сильно и недвусмысленно отразившееся на его лице. Радость».

Дневник:

Если бы вы знали, что я испытывала в тот момент! Она хочет идти в игровую! Ей нравится общаться со мной! В первый раз Лена дала мне это понять. Ведь она так бесстрастна. Мне часто было даже как-то неловко приставать к ней, что-то предлагать, вмешиваться в Ленину жизнь, где никому нет места, кроме Лены и её рыжей куклы. Я пыталась разговаривать с Леной через её куклу. Кукла была проводником. Я разыгрывала маленькие спектакли с куклой в главной роли: вот она встаёт+ одевается+ мы кормим её с ложки+ а теперь она чистит зубы+ Лена наблюдала за мной, а потом, когда я возвращала ей куклу, поднимала её к самому лицу и медленно поворачивала, рассматривая. На её лице я читала «ну, слава Богу, прекратили маяться дурью!»

Сегодня я чувствовала себя так, будто мне признались в любви.

«Но, дорогой мой, как я могла понять, что вы любите меня, если с самого начала вы вели себя так возмутительно по-шотландски!»

Минута

– Трудно с неговорящими?

– Почему?

– Ну, как почему. С ними же не поговоришь!

Со временем понимаешь, насколько ощущение полноценного общения с твоим подопечным зависит от тебя. От того, как и чем ты наполнишь ваше взаимодействие. От того, насколько тебе действительно важно и интересно получить ответ.

Беркович М. Б.
Письма с Онеги

Когда мы предлагаем ребёнку выбор — это тоже диалог.

— Ему ничего не интересно, даёшь ему игрушку, он бросает.

Удивительное дело: если предложишь ребёнку выбрать одну из двух или нескольких игрушек, обязательно рано или поздно заметишь, что ему не всё равно.

Если не можешь понять, чем и как заниматься с ребёнком (или взрослым подопечным), если ему «ничего не надо», «всё не нравится», предложи ему выбрать. Это же так естественно. Может быть, одна из двух вещей, которые ты предложишь, будет не нравиться ему чуть-чуть меньше. А если ты уверен, что «вот эта потрясающая штука ему обязательно понравится!», всё-таки на всякий случай подготовь альтернативный вариант.

Ты увидишь, что то, во что вы с ребёнком играли, не так важно, как то, что он выбрал это сам.

Мало того! Если пойдёшь по этому пути, никогда больше не почувствуешь, что «с ними не поговоришь». Ты будешь даже уставать от разговоров.

«Коля, выбирай, какие колготки ты хочешь надеть — красные или желтые?»

И ты очень удивишься, когда обнаружишь, что у Коли есть своё мнение по этому вопросу.

Да, конечно, часто у тебя нет времени ждать, что он там выберет. Желтые колготки, и всё. Но я тебя уверяю, минута, когда Коля, с виду такой безразличный, такой пассивный протянет руку, чтобы взять красные колготки, стоит всех тех суперважных дел, которые ты не успеешь. Тем более что успеешь. Подумаешь, одна минута.

Слова и не слова

«Дети играют с отношениями, потому что это всё, что у них есть».

Марианна Майер

— Артём, а где ложка? Посмотри, где ложка? Где наша ложка?

Я думаю: ну возьми ложку, протяни руку, возьми её, вот она, лежит рядом, ну подними руку, подними, протяни, сожми пальцы, я так хочу, чтобы ты это сделал, протяни руку, возьми ложку!

Он медленно поднимает руку, сжимает пальцы в кулак, несколько раз легонько дотрагивается кулаком до лба. Разжимает пальцы. Медленно-медленно опускает руку на ложку. Пальцы снова сжимаются.

— Вот видите, он слышал. Он понял.

Но что он услышал? Мои слова (где ложка?) или моё громкое, отчаянное желание, чтобы он понял, чтобы взял эту несчастную ложку?

Мы с Артёмом так хорошо знаем и чувствуем друг друга, что я часто спрашиваю себя: может быть, мне только кажется, что он стал лучше понимать речь? Может быть, он просто научился по разным неуловимым признакам определять, чего я от него хочу? Это большая разница.

Понимать речь — значит понимать всех.

Понимать меня — значит понимать только меня.

Важно — какая у меня цель. Научить Артёма находить ложку? Выучить слово «ложка»? Стимулировать его активность? Совместная деятельность? Общение?

Артёму так сложно с людьми. Он полностью погружен в себя, и всё, кроме собственного тела и, может быть, музыки, его мало интересует. С каждым новым человеком он должен пройти очень долгий путь установления контакта. Прежде чем Артём согласится что-то делать с новым человеком, должно пройти много времени. Так может быть то, что я считаю неудачей (понимает не речь, а меня), для Артёма — успех? Наше с ним большое достижение? Значит, получилось перекинуть мост из его мира в мой, построить диалог, а какие средства (вербальные, невербальные, да хоть телепатию) мы используем — не так уж важно? Главное, что он понял: есть ты. Есть я. Ложка, речь, всё остальное — только повод для нашего «мы».

Банная музыка

В нашей группе — банный день. Это значит, за два часа нужно вымыть десятых ребят. Слава Богу, ванна — прямо в группе. Это очень хорошо — не надо никого носить по коридору! Я мою, Таня вытирает, намазывает кремом и детским маслом, нянечка раздевает и одевает. Конечно, суета, спешка, устаёшь сильно, но всё равно я очень люблю Баню: она таит в себе столько возможностей!

Для «активных» ребят — мыльные пузыри, пена, лодочка, утка-пищалка, всякие немецкие чудеса вроде порошка, который красит воду в синий цвет, да просто возможность поплескаться, побрызгаться. И учиться есть чему: где твои руки? А где ноги? Можно самому держать мочалку или полить себя из маленькой лейки, или намазаться кремом и Таню намазать — за компанию.

Вот, например, бутылочка из-под шампуня. Она лёгкая. Если налить в неё воды — тяжелая. Можно её наполнить горячей водой — будет тёплая. Можно холодной. Можно вылить воду на себя. Или попытаться облить меня (лучше не надо!) Можно учиться отвинчивать крышку. Или играть в то, что это подводная лодка.

Для «слабеньких» Баня — возможность расслабиться. Для человека, у которого постоянно напряжены мышцы, расслабление — огромный отдых. Медленно, постепенно мы опускаем ребёнка в тёплую воду — чтобы не испугался, чтобы привык к изменению среды. Медленно, длинными плавными движениями, моем грудь+ плечи+ вот твоя правая рука+ вот левая+ Ты можешь мне помочь — я кладу твою руку на мочалку, накрываю её своей рукой. Ты моешься сам.

Многие слабенькие дети в ванной явно испытывают облегчение. Вода обнимает их, и, наверное, напоминает время до рождения, пока они ещё не вышли так болезненно в огромный хаотичный мир,

совсем не готовый их принять и защитить.

На Баню я всегда приношу магнитофон с «банной» музыкой — песенками Юрия Устинова. Очень подходящие песенки: про моря, корабли, маяки. Как-то так случайно получилось: однажды поставила детям эти песни, и так хорошо нам под них было мыться, что теперь слушаем каждый раз.

«Ночь бросает звёзды на пески.

Поднятые сохнут якоря.

Спи, пока не гаснут маяки...»

Это ведь так хорошо, когда традиция. Когда что-то приятное обязательно повторяется. Поймала себя на том, что сама с удовольствием жду, когда можно будет поставить «банную» музыку.

Она создаёт наш с детьми общий мир. Как описать его? Тёплая вода, ласковые прикосновения, вкусный запах шампуня, мыльные пузыри, солнечные пятна на кафельной стенке, «спи, пока не гаснут маяки». Как объяснить, что это такое — вместе слушать музыку?

Просто представьте, что ставите кому-то свою любимую песню.

Представили?

Разговор

«Если этих ваших журналистов интересует общение, здесь им делать нечего. Какое тут общение!»

Они сидят на ковре — четверо моих неговорящих подопечных.

Запись в дневнике:

Хаос, конечно, полный, но были моменты совершенно удивительные, когда я чувствовала, что мы вместе, и между нами что-то происходит — а именно, разговор. Когда Настя берёт за руку Лёшу, и Лёша смеётся, Саша трогает Настины ботинки, а Никита переводит взгляд с одного на другого — что это, как не общение? Кидаю мяч Саше, Настя его забирает и кладёт на колени Лёше. Я смотрю на их руки, передающие мяч, с острым чувством радости.

Беркович М. Б.
Письма с Онеги

Сама

Повседневные вещи — самые важные. Говорите мало, но прежде чем что-то делать с ребёнком, давайте одинаковый сигнал. Например, прежде чем переодеть, всегда дотрагивайтесь обеими руками до его плеч. Тогда он запомнит, что после такого ощущения следует переодевание. Вы сможете дать ему опору, ориентиры, чтобы мир обрёл хоть какую-то предсказуемость.

Лариса — самая маленькая и слабая девочка в моей группе. Она почти не может двигаться и кроме того она слепая.

Лариса очень часто плачет во время кормления, переодевания, бани. Раньше я не понимала — почему?

Полная темнота. Вы слышите разные звуки, но не понимаете, что они значат. Вы не чувствуете своего тела, не знаете, где у вас руки, а где ноги, потому что не можете пошевелить ими. Вы совершенно никак не можете контролировать ситуацию: внезапно, без всякого предупреждения, вас поднимают в воздух, несут неизвестно куда, кладут на что-то неудобное и незнакомое, переворачивают, откуда-то возникает чистая футболка — то есть, вы не знаете, что это футболка, просто чувствуете, что вашу голову просовывают в ворот, а руки — в рукава, и всё это происходит так быстро, что вы не успеваете осознать, где руки, где голова, и что с вами произошло. Также неожиданно и из пустоты в рот попадает ложка, а купание — это вообще сродни падению с пятого этажа: только что вы были в одной среде, и вдруг, внезапно, попали в совершенно другую — горячую, плотную, где всё ощущается совершенно по-другому. Жизнь так непредсказуема, травматична и стремительна, что у вас нет никаких шансов как-то в ней поучаствовать.

Ларисе нужно надеть штаны.

Сначала подходишь к ней.

— Лариса! Лариса, привет.

Пауза. Даешь ей время приготовиться.

Медленно опускаешь руки на её плечи.

Несильно нажимаешь. — Привет, Лариса.

Пауза. Она должна понять, кто ты. На это ей требуется время.

Дотрагиваешься до её ног, гладишь их — «вот твои ноги. Сейчас будем одеваться» — напоминаешь, что у Ларисы есть ноги, это очень важно: если не можешь двигаться, то «теряешь» своё тело. Проводишь рукой от бедра до пальцев ног, и здесь останавливаешься: «вот тут кончаются твои ноги», — ведь границ своего тела Лариса тоже пока не осознаёт.

Очень медленно переворачиваешь её на бок и так же медленно и плавно поднимаешь — чтобы Лариса успела понять, как меняется положение её тела. Сажаете на колени.

— Лариса сидит. Потрогай: вот я. А это ты. Это Лариса. Потрогай свои ноги.

Ларисины руки напряжены, ладони сжаты, и для того чтобы немного расслабиться и с твоей помощью погладить свои ноги, ей нужно некоторое время.

Потом даёшь потрогать штаны — для человека, который сам не может ничего взять, удержать в руках — это новое и очень важное ощущение.

И наконец, вместе с Ларисой — рука в руку — натягиваешь штаны. Это двигательный опыт, который она не может получить самостоятельно, потому что пока не умеет пользоваться руками.

— Ты сама надела штаны. Какая ты молодец!

(Ах, если бы я всегда делала так, как пишу. Но я буду стараться, Лариса, правда.)

Живые знаки

*«И на ночь — не отпускай во тьму
без живого знака живой любви».*

В. Леви

Я прощаюсь с детьми в конце рабочего дня.

Начинаю обычно справа, с Большой Насти. Она сидит на кровати, поджав под себя ноги — как датская Русалочка — и

накинув на плечи одеяло. Сажусь рядом. Она хватает мою руку и не хочет отпустить, смеётся и мотает головой.

Дальше, у окна, Лена. Она глядит на меня в упор, будто гипнотизирует, медленно протягивает ко мне руку. Берёт за руку и направляет в сторону комода. «Принеси мне куклу». Без куклы Лене беспокойно. Кукла — самое близкое её существо. Приношу. Лена осторожно берёт у меня куклу и долго поворачивает её в руках, разглядывая. Смотрит кукле в глаза. Потом кладёт рядом с собой на подушку.

Никита говорит мне «ой!» и смеётся. Берёт мою руку и трясёт — «до свидания!» Иногда может и оттолкнуть — зависит от настроения. Смена настроений у Никиты происходит неожиданно, непонятно, от чего это зависит. Смех — и сразу слёзы, а потом снова смех. Мне кажется, так происходит потому, что все ощущения для Никиты — слишком сильные. Он слишком долго жил в замкнутом пространстве, почти лишенном впечатлений.

Обнимаю Сашку, он подставляет мне ладонь — значит, нужно поиграть в «ладушки».

Славик, Настя, Лариса — самые слабенькие, и прощаться с ними нужно бережно.

Когда вы прикасаетесь к ребёнку, начинайте всегда от груди: от сердца. Прикасайтесь сначала к груди, а потом можно дотрагиваться до рук, или ног, или до лица, — но здесь осторожно: лицо — очень личная зона. На то чтобы проникать в чужое личное пространство, нужны веские причины.

Марианна Майер:

А теперь я прощаюсь и с Вами, но сначала —

Я знаю — и эта одна из немногих вещей, в которых я действительно уверена:

— на свете нет ни одного человека, с которым было бы невозможно построить диалог,

— на свете нет ни одного человека, который НИ НА ЧТО НЕ РЕАГИРУЕТ,

— на свете нет ни одного человека, которому не нужно никакого общения.

«Нет отдачи» — значит, вы просто не слышите. Если вам удастся отказаться от привычных мерок, войти в мир другого и принять его законы общения, всё станет легко. Отдача обязательно будет.

Главное — «войти туда, где находятся дети».

P.S. Незаданный вопрос

Человек, для которого даже собственное тело недоступно, как улица, улица — как другая страна. Человек, который даже не знает, есть ли у него это тело, потому что, если не двигаешься, перестаешь чувствовать себя в пространстве. Человек, который никогда не дотрагивался до своего носа, рта, другой руки. Человек, которого никто не любит, и за которого никто не будет бороться. Человек, до которого, кажется, нельзя дотронуться, чтобы не испугать и не причинить боли. Человек, для которого даже постоянно повторяющиеся процедуры — кормление, переодевание — цепь болезненных неожиданностей. Человек, не умеющий улыбаться и плакать. Человек, о мыслях и желаниях которого даже немногим «сочувствующим» и «понимающим» не приходится в голову задуматься. Человек, про которого говорят, вздыхая: хоть бы умер поскорей, только мучаешься и нас мучаешь.

Он сам решил жить, и он будет жить. Это и есть ответ на наш вопрос. ■